

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви). Состав., автор предисл. и коммент. М. А. Бабкин. М.: «Индрик», 2006. 504 с.

Взаимоотношения Русской Церкви и Временного правительства изучены плохо, несмотря на то, что от этого времени сохранилось огромное количество источников – архивных документов и публикаций в периодической печати. Однако к этому времени историки обращаются неохотно, в значительной степени из-за страха, что полученные выводы будут противоречить привычным схемам. Советская историография не любила этой проблемы, поскольку исследуемый материал грозил разрушить известный пропагандистский тезис о том, что Церковь всегда защищала монархию. Ничего не изменилось и в постсоветское время: очень уж не хотелось анализировать революционные заявления, которые российские архиереи делали после Февральской революции. Однако прием замалчивания не решает исследовательских задач, поэтому подготовленный М. А. Бабкиным сборник документов можно только приветствовать.

Составителя любого сборника документов всегда можно заподозрить в подтасовке, стремлении выдать желаемое за действительное. Поэтому критерии отбора публикуемых материалов имеют решающее значение. И здесь составитель сборника «Российское духовенство и свержение монархии» находит прием, позволяющий объективно представить отношение духовенства к изменению формы государственного правления. М. А. Бабкин проводит своеобразное социологическое исследование, выявляя позицию максимально большого числа архиереев и епархиальных собраний по интересующим его вопросам. Охват материала действительно оказывается очень широким. Из 177 российских архиереев (17 из которых пребывали на покое) составителю удалось выявить политическую позицию 116. Таким образом, мы можем судить о реакции на Февральскую революцию и отречение Николая II существенной части российского епископата. По признанию составителя (с. 10), не удалось найти сведений, касающихся лишь Алеутской, Варшавской, Финляндской и Холмской епархий, а сведения по Гродненской, Литовской и Минской недостаточны.

Первая часть книги, включающая определения и воззвания Синода, проповеди епархиальных архиереев и распоряжения духовных консисторий, дает возможность представить характер политики, проводимой Священноначалием в первые месяцы новой власти. Помещенный в сборник материал убедительно демонстрирует, что большая часть архиереев принимала государственный переворот с воодушевлением, а то и просто восторженно. «Двести лет Православная Церковь пребывала в рабстве, – говорил архиеп. Арсений (Стадницкий) на первом заседании Синода при Временном правительстве. – Теперь даруется ей свобода. Боже, какой простор! Но вот птица, долго томившаяся в клетке, когда ее откроют, со страхом смотрит на необъятное пространство; она не уверена в своих силах и в раздумье садится около порога дверей. Так чувствуем себя в настоящий момент и мы, когда революция дала нам свободу от *цезарепатизма*» (с. 54). Из опубликованных документов следует, что большинство архиереев исходило из того, что своим отречением Николай II освободил их от присяги. «Сегодня отпечатан в нашем граде манифест Царский, – говорил на проповеди архиеп. Кирилл (Смирнов). – Вот документ, которым Царь Сам освобождает нас от присяги, данной на верное ему служение» (с. 56). На то, что повиновение Временному правительству – это долг всякого монархиста, указывал архиеп. Антоний (Храповицкий), аргументируя свою позицию тем, что Николай II отрекся в пользу Михаила Александровича, а «новый Государь повелел повиноваться Временному Правительству». «С этого момента, – продолжает архиеп. Антоний, – означенное Правительство стало законным в глазах всех монархистов, то есть повинующихся своим государям русских граждан. И я, как пастырь Церкви, обязанный всегда увещевать народ свой

повиноваться предрержащим властям, призываю вас к исполнению сего долга теперь, то есть к послушанию Комитету новых министров» (с. 60). Из всего опубликованного М. А. Бабкиным материала мы остановились на позиции этих архипастырей потому, что в дальнейшем ни один из них не был запятнан ни компромиссами с большевистской властью, ни участием в обновленческом движении. И объяснить эти высказывания их личными качествами едва ли возможно. Цитирование можно было бы продолжать еще очень долго. Вне всякого сомнения, подавляющее большинство епископата (а не один лишь еп. Андрей (Ухтомский), на которого в таких случаях любят ссылаться историки) приняли Февральскую революцию. И этот несомненный факт нуждается в осмыслении.

Из материалов сборника видно, что далеко не все архиереи безоговорочно поддерживали новую власть. Например, еп. Амвросий (Гудко) в своей проповеди, как писала одна из газет того времени, «восхвалял бывшего царя и в особенности его супругу» (с. 53). А архиеп. Анастасий (Грибановский) в одной из проповедей призывал прихожан уподобиться «Государю императору Николаю Второму, который из-за любви к России-родине... отрекся от престола своих благочестивых предков, сложил с себя верховную власть, чтобы хорошо было общей родине» (с. 59). Однако таких высказываний не особенно много, и для того, чтобы более подробно продемонстрировать позицию тех, кто шел против течения, М. А. Бабкин печатает фрагменты переписки епископа Пермского и Кунгурского Андроника (Никольского) с обер-прокурором В. Н. Львовым и архиеп. Арсением (Стаднищким). Этот блок демонстрирует иное, оппозиционное отношение к происходящему в стране. Призывая паству к подчинению и присягая Временному правительству, еп. Андроник рассматривает эпоху Временного правительства как междуцарствие и уповает на то, что Учредительное собрание восстановит в России монархическую форму правления. С точки зрения обер-прокурора В. Н. Львова, выступления епископа Андроника восстанавливали население против государственного строя. Приведенный в сборнике ответ Пермского владыки представляет собой классический правозащитный документ: «Учредительное Временное правительство акт об отказе Михаила Александровича объявлял, что после Учредительного собрания у нас может быть и царское правление, как и всякое другое, смотря по тому, как выскажется об этом Учредительное Собрание. <...> Подчинился я Временному правительству, подчинюсь и республике, если она будет объявлена Учредительным Собранием. До того же времени ни один гражданин не лишен свободы высказываться о всяком образе правления для России; в противном случае излишне будет и Учредительное Собрание, если кто уже бесповоротно вырешил вопрос об образе правления в России» (с. 143).

Материалы последующих трех разделов характеризуют позицию рядового духовенства. Здесь мы найдем официально утвержденные резолюции епархиальных съездов и собраний, прошедшие в первые послереволюционные месяцы. Заявленные формальные принципы отбора материала в этих разделах последовательно проводятся. М. А. Бабкин включает в свою публикацию не отдельные выступления, выражающие лишь мнение конкретных участников собраний, а официально утвержденные резолюции по политическим вопросам (отношение к смене государственной власти и Временному правительству, участие священнослужителей в политической жизни, Учредительном собрании и т. д.). Эти материалы представляют значительный интерес не только для тех, кого интересует отношение духовенства к революционным событиям, но и для историков, занимающихся различными внутрицерковными проблемами того времени: благодаря подробным легендам не составит большого труда найти полные тексты отчетов о епархиальных собраниях, разыскать которые в периодических изданиях 1917 года бывает непросто. Что же касается содержания опубликованных высказываний и резолюций, то они, по большому счету, не отличаются от высказываний Синода и архиереев. В своем подавляющем большинстве епархиальные собрания приняли резолюции, поддерживающие происходящие в стране перемены.

Составитель в рамках подготовленного им сборника не высказывает собственной позиции и не предпринимает попыток обобщить опубликованный им материал. Отсутствие обобщающей статьи, на наш взгляд, является недостатком. Это отсутствие тем более досадно, что составитель проанализировал опубликованный им материал в серии журнальных публикаций, появившихся в течение последних трех лет¹. Поскольку эта обобщающая часть в сборник включена не была, позволим себе процитировать статью составителя, напечатанную три года назад в «Вопросах истории»: «Призывы, прозвучавшие с церковных амвонов и со страниц епархиальных изданий, побуждали народ повиноваться новой власти, способствовали формированию у него положительного отношения к свержению династии Романовых и, тем самым, фактически узаконивали Февральскую революцию. По словам князя Жевахова российская “революция явила всему миру портретную галерею революционеров, облеченных высоким саном пастырей и архипастырей Церкви”»².

Не включив в сборник аналитической части, составитель поместил ряд материалов, отражающих реакцию мирян на политические заявления священнослужителей. Эти материалы содержатся в шестом разделе сборника, озаглавленном «Телеграммы, письма и обращения мирян к светским и церковным властям и к народу». Задача этого раздела – с одной стороны, продемонстрировать неоднозначность отношения церковного народа к революционным событиям, а с другой – попытаться разобраться в том, является ли присяга Временному Правительству клятвopеступлением по отношению к свергнутой династии. Составителю удалось найти очень яркие высказывания современников по этому поводу. «Во-первых, волнует меня вопрос, – писал в марте 1917 года студент И. А. Зимин архиепископу Никону (Рождественскому), – каким образом духовенство всей России, так сильно отстаивавшее самодержавие, теперь же признает Временное правительство и поминает его в своих молитвах. Как объяснить такую перемену во взгляде на образ правления. <...> Что за зависимость церковных взглядов от власти? Не доказывает ли это отсутствие своих личных убеждений среди духовенства? Неужели духовенство не знало, что за самодержавием скрывался Распутин? По-моему, это не могло быть» (с. 383). Еще резче проблема клятвopеступления выражена в опубликованном здесь же письме крестьянина М. Е. Никонова Поместному Собору 1917–1918 гг. «Православный русский народ уверен, – пишет Никонов, – что Святейший Собор в интересах Святой матери нашей церкви, отечества и Батюшки Царя самозванцев и всех изменников, поругавшихся над присягой, предаст анафеме и проклятию с их сатанинской идеей революции» (с. 391). В качестве приложения к этому документу помещены материалы Собора и некоторые позднейшие материалы, касающиеся вопроса о присяге, включая доклад на эту тему, подготовленный профессором Московской Духовной академии С. А. Глаголевым, который, в частности, говорил: «Если бы государь *по доброй воле* удалился на покой, то тогда бы не могло бы быть речи о клятвopеступлении, но для многих несомненно, что в акте отречения Николая II-го момента свободной воли не было. Факт нарушения присяги революционным путем спокойно приняли: 1) *по страху* – несомненные консерваторы – некоторая часть духовенства и дворянства, 2) по расчету – купцы, мечтавшие поставить капитал на место аристократии рода, 3) люди разных профессий и классов, верившие в различной мере в благие последствия переворота. Эти люди (с их точки зрения) ради

¹ См.: *Бабкин М. А.* Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 59–71; *Он же.* Святейший синод Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 97–109; *Он же.* Иерархия Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна 1917 г.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 109–124; *Он же.* Реакция Русской православной церкви в революционных торжествах // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2006. № 1. С. 70–90.

² *Бабкин М. А.* Приходское духовенство Российской православной церкви и свержение монархии в 1917 году // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 69.

предполагаемого блага совершили действительное зло – нарушили слово, данное с клятвой. Виновность их несомненна; можно лишь говорить о смягчающих обстоятельствах, если таковые найдутся» (с. 396).

На наш взгляд, интереснейшие материалы дискуссии о нарушении присяги несколько выбиваются из общего замысла книги. Эти материалы слишком интересны и значимы для того, чтобы приводиться в качестве приложения к одному из документов. Может быть, было бы целесообразно вынести эти материалы в отдельный раздел или же включить их в VII раздел, в котором публикуются варианты гражданских и ставленнических присяг.

Что же касается других материалов, помещенных в этом разделе, то здесь, в отличие от остальных разделов сборника, отсутствует четкий критерий отбора документов. Составитель явно хочет показать, что в Русской Церкви существовала и иная, отличная позиция и что церковный народ отнесся к государственному перевороту куда более осторожно и трезво, чем епископат. В результате ни одно из помещенных в этом разделе писем не содержит восторженных отзывов о Февральской революции, хотя понятно, что таких отзывов было немало. У читателя может создаться впечатление, что главными революционерами в России были епископат и священнослужители, а главными контрреволюционерами – миряне, что вообще-то не так.

Приведенные выше критические замечания не уменьшают достоинств рецензируемого сборника. Тот факт, что сборник документов критикуется за не всегда последовательное применение принципов отбора документов, свидетельствует о том, что указанные принципы имеются. А такое случается нечасто. В подавляющем большинстве случаев посвященные церковной истории публикации документов представляют собой подборки материалов, без всякой системы извлеченных из архивов. И подготовленный М. А. Бабкиным сборник позволяет надеяться, что экстенсивный период развития церковной историографии – период бессистемной публикации всего, что удается найти, наконец-то завершился.

А. Г. Кравецкий